

Радомира Теплинская

Легенды Крыма

Рада Теплинская Легенды Крыма

<https://litres.ru/74534003>

Аннотация

Два брата отдыхали в морской стихии. Поступок каждого из них кардинально различался: старший, завершив купание, с опаской и тишиной направился к берегу, тогда как младший смело уплыл все дальше от суши.

Суровая морская волна, очарованная бесстрашием младшего, обняла его и потянула на морское дно, в таинственное подводное царство.

Юноша отчаянно боролся с течением, взывал о помощи к родному брату. Однако старший испугался глубины, размышляя, что вместе они могут погибнуть, и не рискнул плыть на помощь.

Содержание

Два брата	4
Медведь-гора	6
Возникновение Ялты	10
Хан и сын	12
Чершамбе	22
Об удалом казаке и жадном турке	28
Орлиный залет	32
Об озерах целебных	39
Тополь, гранат и кипарис	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Два брата

Два брата отдыхали в морской стихии. Поступок каждого из них кардинально различался: старший, завершив купание, с опаской и тишиной направился к берегу, тогда как младший смело уплыл все дальше от суши.

Суровая морская волна, очарованная бесстрашием младшего, обняла его и потянула на морское дно, в таинственное подводное царство.

Юноша отчаянно боролся с течением, взывал о помощи к родному брату. Однако старший испугался глубины, размышляя, что вместе они могут погибнуть, и не рискнул плыть на помощь.

— Братец мой дорогой, помоги! — прозвучал последний крик тонущего, пока он ронял слезы, появляясь на поверхности.

— Пусть господь тебя спасет, — тихо ответил трус, даже не решившись посмотреть, как брат гибнет, и поспешно, гребя изо всех сил, добрался до берега, чтобы взобраться на скалу.

Разгневанная стихия, заметившее малодушие старшего, бросилась за ним в погоню, догнала, утащила в морские глубины и погубила.

Младшего же братца приняла под свое покровительство царица морей. Его горькие слезы превратились в драгоцен-

ный жемчуг, а кудрявые волосы — в красные кораллы.

Тело же старшего брата было растащено рыбами и ракообразными до последнего кусочка. Лишь сердце отказалось прикоснуться к нему, ибо оно оказалось настолько мерзким и нечистым, что его отвергли даже обитатели глубин.

Именно поэтому в море плавает то самое сердце. Оно скользит робко и тайком, холодное и липкое, обжигающее подобно крапиве. Оно вяло дрожит и шевелится, оставаясь абсолютно прозрачным, не отбрасывая тени.

Море с презрением изгоняет это сердце: оно выносит его на берег, где оно бесследно исчезает.

Медведь-гора

Издавна крымские горы служили домом лишь для диких тварей, среди которых выделялись гигантские, кровожадные медведи. Эти хищники нередко пересекали горные хребты, появляясь на равнинах и нападая на местных жителей, а затем, насытившись добычей, вновь исчезали в глухих лесах.

На самом морском побережье обосновалось стадо этих великанов, которым руководил старый, суровый медведь-вожак.

Однажды, вернувшись с охоты, звери заметили на берегу обломки кораблекрушения. Среди руин лежал сверток, который вождь развернул и обнаружил внутри маленькую девочку — единственную выжившую после катастрофы.

Девочка осталась жить среди медведей. С течением времени она выросла в прекрасную девушку, которую старейшина и все остальные звери искренне любили. Она с радостью пела песни, резвясь в дикой природе, а медведи с удовольствием слушали её чудесное пение с рассвета до заката.

Как-то раз хищники ушли на равнину, чтобы совершить набег. В их отсутствие к берегу прибило челн с молодым красивым юношей, спрятавшимся среди скал. Ранее, будучи подростком, он был угнан в рабство воинами одного из разбойничьих племен, живших на противоположном берегу моря. Теперь юноша бежал, мечтая вернуться домой. Долгая

буря носила его лодку по волнам, пока не выбросила на крымский берег.

Истощенный голодом и жаждой, молодой человек лежал без движения в днище челна. Девушка перенесла его в укромное место, напоила и накормила, а лодку спрятала в кустах под скалой, чтобы медведи ничего не заподозрили.

Девушка неоднократно приносила молодому человеку провизию и напитки. Он поведал ей о жизни людей в его родных местах, а она, зачарованная его ясными голубыми глазами, с большим интересом слушала. В ответ она исполняла для него свои любимые мелодии. Именно в эти дни в сердца обоих вселилась страстная любовь.

Юноша предложил: «В моей лодке достаточно места для двоих. Не желаешь ли отправиться со мной на мою родину?». Девушка без колебаний ответила: «Желаю. Я готова следовать за тобой куда угодно».

Молодой человек уже полностью восстановил силы и окреп. Он изготовил мачту и смастерил парус из шкур животных. Теперь влюбленные ждали благоприятного ветра, чтобы покинуть медвежий берег.

И вот дул попутный ветерок. Юноша и девушка спустили челн в воду и разместились в нем. Широкая синяя гладь уже отделяла их от скалистых берегов...

Внезапно земля затряслась под тяжелыми лапами, а воздух задрожал от грозного рева. Это вернулись с далекого похода медведи и не нашли девушку.

Глава стада взглянул на море и все понял. Любовь к молодому чужестранцу и стремление к людям превозмогли в душе девушки все прежние привязанности. Челн навсегда уводил любимицу медвежьего племени.

Старый медведь яростно заревел. Охваченная гневом стая металась по берегу, оглашая окрестности громовым ревом. Вожака опустил огромную пасть в голубую влагу и с силой стал втягивать воду. Остальные последовали его примеру. Через некоторое время море заметно обмелело.

Волны несли лодку обратно к берегу. Девушка ясно осознавала: ее возлюбленному не суждено спастись, его ожидает страшная участь — быть растерзанным медведями.

И она запела. При звуках ее голоса хищники подняли головы из воды и застыли в молчании. Лишь старший из стаи продолжал свое дело. Он еще глубже окунул передние лапы и морду в ледяные волны. У его пасти море бурлило, вливаясь широкими потоками.

В песне девушка призывала все силы земные и небесные встать на защиту ее первой, чистой любви. Она умоляла старого медведя пощадить юношу. Мольба была столь горяча, что грозный зверь перестал затягивать воду. Но он не захотел уплывать от берега, продолжая лежать и всматриваться вдаль, где исчезал челн с существом, к которому он привязался.

И вот старый медведь-вожак лежит на берегу уже тысячи лет. Его могучее тело окаменело. Мощные бока превра-

тились в отвесные пропасти, высокая спина стала вершиной горы, достигающей облаков, голова обратилась в острую скалу, а густая шерсть стала дремучим лесом.

Так старый вожак-медведь стал Медведем-горой.

Возникновение Ялты

Согласно преданиям, в древние эпохи греки, отправившиеся из Константинополя в поисках плодородных земель, отправились в опасное плавание по Черному морю. Их путь был долгим и извилистым, из-за чего берег все не проявлялся, хотя казалось, что он уже близко. Именно поэтому древние называли эти воды Понтосом Аксиносом — «Негостеприимным морем». Оно свирепо бушевало, бросая корабли на волнах, и люди, изможденные борьбой со стихией, ждали гибели в мрачных водах.

Когда буря утихла, ситуация не улучшилась. Густой туман скрыл горизонт и небо, создав полную неизвестность: куда плыть? В каком направлении двигались суда?

Долго блуждали моряки по водной глади. Запасы пресной воды иссякли, еда была съедена, и снова перед путешественниками нависла угроза гибели от жажды и голода.

Непрерывно стояла густая, словно застывшая мгла, окутавшая всё вокруг. Путешественники, утратившие веру в встречу с сушей, погрузились в отчаяние. Однако на рассвете подул лёгкий ветер, разгоняя белую пелену тумана. Вскоре выглянуло солнце, и вблизи проступили очертания зелёных холмов и береговой линии.

— Суша! Ялос! Берег! — воскликнул наблюдатель, и экипаж корабля встретил эту весть ликующими возгласами:

— Ялос! Ялос!

Перед ними раскинулась живописная Таврида...

Собравшиеся вновь силы позволили гребцам быстро подвести судно к берегу. В сердцах измождённых переселенцев вернулись радость и желание жить.

Освоив плодородные земли рядом с коренным населением, греки основали поселение и дали ему имя, ставшее для них священным, — «Ялос», что означает «берег».

Именно так зародилась Ялта — прибрежный посёлок, получивший своё название.

Хан и сын

«Знавал Крым хан Мосолайма эль Асваб, и был у него сын — Толайк Алгалла...»

Опираясь спиной о ярко-коричневый ствол арбутуса, слепой нищий-татарин произнес эти строки, начиная одну из древних легенд полуострова, переполненного воспоминаниями. Вокруг рассказчика, на обломках камней, сохранившихся от разрушенного временем дворца хана, расположилась группа татарок в ярких халатах и золотом вышитых тюбетейках. Наступал вечер; солнце медленно погружалось в морские волны. Его красноватые лучи пронизывали темную зелень вокруг руин, ложась яркими пятнами на мшистые камни, опутанные цепким плющом. Ветер шумел в кронах старых чинар, и шелест их листьев напоминал невидимые струи воды, струящиеся в воздухе.

Голос слепого нищего звучал слабо и дрожал, а его каменное лицо, испещренное морщинами, не выражало ничего, кроме покоя. Заученные фразы следовали одна за другой, и перед слушателями возникал образ минувших дней, богатых силой чувств.

— Хан был стар, — рассказывал слепой, — но в его гареме жило много женщин. Они любили старика, ибо в нем еще оставались сила, огонь, а его ласки и нежили, и жгли. Женщины всегда будут любить того, кто умеет сильно ласкать,

даже если он сед, даже если лицо его покрыто морщинами: в силе — красота, а не в нежной коже и румянце щек.

Хана любили все, а он сам любил одну казачку-пленницу из днепровских степей и ласкал ее охотнее, чем других жен гарема, где насчитывалось триста красавиц из разных земель, живших в довольстве и счастье. Хан приказывал готовить для них множество вкусных яств и позволял танцевать и играть по их желанию.

Часто приглашал он казачку в свою башню, откуда открывался вид на морские просторы. Там, для её развлечения и утех, было всё необходимое: изысканные яства, дорогие ткани, золото и разноцветные драгоценности, звучала музыка, содержались редкие экзотические птицы, а также его пылкие ласки влюблённого. Целыми днями проводил он время с ней, забывая о повседневных заботах, будучи уверенным, что сын Алгаллы не опозорит род, бесконечно скача волком по русским степям. Он всегда возвращался оттуда с богатой добычей, новыми трофеями в виде женщин и новой славой, оставляя позади себя ужас, пепелища, кровь и трупы.

Однажды Алгалла вернулся после набега на русских, и в его честь устроили множество празднеств. Все мурзы острова собрались на этот пир, где были и игры, и обильное питание. Пленников использовали как мишени для стрельбы из луков, проверяя меткость рук, а затем снова пили, восхваляя храбрость Алгаллы — грозу врагов и опору ханства. Старый хан был доволен успехами сына: ему было приятно осозна-

вать, что после его смерти власть останется в надёжных руках.

Желая продемонстрировать сыну силу своей любви при всех мурзах и беках, хан поднял чашу и произнёс:

— Добрый ты сын, Алгалла! Слава Аллаху и да будет прославлено имя Его пророка!

В один голос, мощными хорами, все вознесли славу имени пророка. Услышав это, хан произнес:

— Велик Аллах! Пока я здравствую, он дарует мне новую молодость через моего храброго сына. Мои старческие зрячи видят, что даже когда солнце скроется за горизонтом и черви прогрызут мне сердце, жить я буду в нём! Велик Аллах и Магомет, Его пророк! У меня прекрасный сын: рука его крепка, а разум светел. Чего же ты желаешь получить от своего отца, Алгалла? Говори, и я исполню любое твоё желание.

Едва затих голос старца, как Толайк Алгалла поднялся с места. В его глазах, черных как ночное море и жарких, как зрачки горного орла, сверкнула решимость:

— Отдай мне русскую пленницу, повелитель и отец.

Хан задумался. Пауза длилась ровно столько, сколько требовалось, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце. Затем он твердо и громко ответил:

— Бери! Завершим пир, и она будет твоей.

Алгалла вспыхнул от ликования, его орлиный взор озагорился великой радостью. Он выпрямился во весь рост и обратился к отцу:

— Я знаю цену твоего дара, повелитель-отец! Я понимаю это... Я твой раб и твой сын. Если потребуется, я готов отдавать по капле свою кровь каждый час; двадцать раз умру я за тебя!

— Мне ничего не нужно, — ответил хан, и его седая голова, увенчанная славой долгих лет и множества подвигов, смиренно склонилась к груди.

Пир вскоре подошел к концу, и оба молча, идя рядом, направились из дворца в гарем.

Небо скрывалось за непроглядной пеленой туч, в которых не мерцали ни звезды, ни луна, погружая все вокруг в густую тьму.

Идя долгое время в темноте, отец и сын, хан эль Асваб наконец прервал молчание:

— День за днем угасает мой жизненный путь, и старое сердце бьется всё слабее, пламя в груди тает. Моим единственным светом и теплом всегда были пылкие ласки той казачки... Скажи мне, Толайк, неужели она так необходима тебе? Я отдам тебе сто жен, всех моих наложниц лишь бы получить одну ее взамен!..

Толайк Алгалла лишь вздыхал, не отвечая.

— Осталось мне жить совсем недолго... Эта русская девица — последняя отрада моих дней. Она знает меня, она любит меня. Кто же полюбит меня, старика, когда её не станет? Никто, Алгалла! Ни одна из них не полюбит!..

Алгалла хранил молчание.

— Как мне жить дальше, зная, что ты обнимаешь её, что она целует тебя? Перед женщиной не существует отцов или сыновей, Толайк! Все мы, мужчины, равны перед ней... Эта мысль будет мучить меня до конца моих дней. Лучше бы открылись все старые шрамы на моем теле и истекали кровью, лишь бы мне не дожить до этой ночи, сын мой!

Сын хранил молчание. Они застыли у входа в гарем, склонив головы к груди, и так стояли в раздумье долгое время. Вокруг царила глубокая тьма, по небу неслись облака, а ветер, раскачивая кроны, словно пел свою песнь, шумя листвою.

— Я люблю её уже давно, отец, — прошептал Алгалла.

— Я знаю об этом. И знаю также, что она не отвечает тебе взаимностью, — ответил хан.

— У меня разрывается сердце от мыслей о ней.

— А чем же наполнено теперь моё старое сердце?

Они вновь погрузились в молчание. Алгалла вздохнул и продолжил:

— Похоже, мудрый мулла сказал верные слова: женщина всегда приносит мужчине беду. Если она прекрасна, то разжигает страсть в других, а своего мужа терзает ревностью. Если же она уродлива, муж страдает от зависти к тем, кто её желает. А если она обычна, мужчина пытается сделать её красивой, но, осознав ошибку, вновь терзается из-за неё...

— Мудрость не в силах исцелить душевные раны, — тихо произнес хан.

— Жалость друг к другу, батюшка...

Хан поднял взор и с печалью посмотрел на сына.

— Убьем ее, — произнес Толайк.

— Ты ценишь свою жизнь выше, чем ее жизнь и мою, — тихо заметил хан, поразмыслив.

— И ты то же самое.

Они вновь погрузились в молчание.

— Да... и я так думаю, — грустно ответил хан. Боль сломила его волю, и он почувствовал себя ребенком.

— Ну что ж, убьем?

— Не могу я отдать ее тебе, не могу, — ответил хан.

— И я больше не в силах терпеть: либо вырви у меня сердце, либо отдай мне ее...

Хан хранил молчание.

— Бросим ее с утеса в пучину морскую.

— Бросим ее с утеса в пучину морскую, — эхом отозвался хан, повторив слова сына.

Вот они и ступили в покои гарема, где она уже погрузилась в сон на мягком ковре. Мужчины замерли перед ней, пристально вглядываясь в спящую. У старца хана слезы текли по сивой бороде, искрясь словно драгоценные камни, а его отпрыск, с трудом обуздывая пыл, стиснул зубы и разбудил девушку. Она открыла глаза, и её лицо, нежное и румяное, словно рассвет, озарилось взглядом, ярким как васильки. Не заметив Алгаллу, она потянулась алыми губами к хану.

— Поцелуй меня, орёл!

— Одевайся... мы идём, — тихо произнёс он.

В этот миг она увидела Алгаллу и слёзы на глазах своего «орла», и, будучи мудрой, сразу всё поняла.

— Иду, — ответила она. — Иду. Ни ему, ни другому — так было решено? Так и поступают люди с сильной душой. Иду.

И молча, все трое, они направились к морю. Они шли по узкой тропе, где ветер шумел глухо и отчётливо...

Девушка была нежной, быстро устала, но гордая — и не хотела признавать этого мужчинам.

Заметив, что девушка отстаёт, сын хана окликнул её:

— Страх сковывает тебя?

Она метнула на него взгляд и показала кровоточащую ногу...

— Позволь понести тебя! — предложил Алгалла, протягивая руки. Однако она обняла шею своего старого коня. Хан бережно поднял её, словно пёрышко, и понёс. Сидя у него на руках, она отклоняла нависшие ветви, опасаясь, что те ударят его по лицу. Длинным был их путь, и лишь когда вдали уже доносился морской шум, Толаик, шедший позади по тропе, произнёс:

— Отпусти меня вперёд, иначе я прижру тебе кинжалом горло.

— Иди, — ответил отец. — Пусть Аллах либо вознаградит тебя за твоё намерение, либо простит его, ибо воля Его незыблема. Я же, будучи твоим отцом, отпускаю тебя. Мне

ведомо, что такое любовь.

Вот оно — море — открылось перед ними внизу: густое, чёрное, без видимых берегов. Внизу, у подножия скалы, глухо рокотали волны, царила тьма, холод и ужас.

— Прощай! — прошептал хан, целуя девушку.

— Прощай! — ответил Алгалла, низко поклонившись ей.

Она посмотрела в ту сторону, где шумели волны, и, прижав руки к груди, отшатнулась назад.

— Бросьте меня... — выдохнула она.

Алгалла протянул к ней ладони, издав стон, а хан обхватил девушку, прижал ее к груди с силой, поцеловал и, возвысив над своей головой, швырнул в бездну со скалы.

Внизу бушевали волны, их рев был столь оглушителен, что ни звука падения не донесся до них; ни крика, ни звука. Хан опустился на камни и безмолвно устремил взор вниз, в темноту и даль, где море сливалось с небесной вышью, откуда доносились глухие всплески и пролетал ветер, развеивая седую бородуправителя. Толайк стоял неподалеку, закрыв лицо руками, словно окаменев от скорби и молчания. Время текло неспешно, облака плыли одно за другим, гонимые ветром. Они были тяжелы и мрачны, словно думы старого хана, покоящегося на высокой скале над морем.

— Давай уйдем, отец, — предложил Толайк.

— Задержись... — прошептал хан, словно вглядываясь в невидимое. Снова минуло немало времени, пока внизу бушевали волны, а ветер, ударяясь о скалу, сотрясал деревья.

— Идем же, отец...

— Еще немного...

Толайк не раз обращался к Алгалла:

— Пойдем, отец.

Но хан так и не покидал то место, где оставил последние искры радости своей жизни.

Однако у всего есть предел. Он поднялся, сохраняя величие и достоинство, сурово нахмурился и мрачно произнес:

— Пойдём.

Они тронулись в путь, но хан вскоре остановился.

— Зачем я иду, Толайк? Куда направляюсь? — спросил он у сына. — Для чего мне продолжать существование, если весь смысл моей жизни заключался в ней? Я стар, меня больше не полюбит никто, а жизнь без любви бессмысленна.

— У тебя есть слава, отец, и богатство...

— Отдай мне один её поцелуй, и всё это станет твоим даром. Всё это мертво, жива лишь любовь женщины. Без неё человек нищен и жалок. Прощай, сын мой, да будет благословение Аллаха над твоей головой во все дни и ночи твоей жизни. — Хан повернулся лицом к морю.

— Отец! — воскликнул Толайк. — Отец!

И не мог больше сказать ничего, так как ничего нельзя сказать человеку, которому улыбается смерть, ничего не скажешь ему такого, что возвратило бы в душу его любовь к жизни.

— Пустя меня...

— Аллах...

— Он знает...

Быстрыми шагами подошел хан к обрыву и кинулся вниз. Не остановил его сын, не успел. И опять ничего не было слышно — ни крика, ни шума падения хана. Только волны все плескали там, да ветер гудел дикие песни.

Долго смотрел вниз Толайк Алгалла и потом вслух сказал:

— И мне такое же твердое сердце дай, о аллах!

И потом он пошел во тьму ночи...

«...Так погиб хан Мосолайма эль Асваб и стал в Крыму хан Толайк Алгалла...»

Чершамбе

Бедный Сеит-Яя. Я помню его доброе лицо в глубоких морщинах, седеющую бороду, сгорбленный стан и необыкновенную худобу, и как он подзывал, бывало, меня, когда я проходил, мальчиком, мимо его сада, чтобы выбрать мне самый крупный бузурган или спелую сладкую рябину.

— Ничего, кушай.

И начинал напевать свою грустную песенку — Чершамбе-Чершамбе.

Все знали эту Чершамбе и отчего поет ее Сеит-Яя, бедный Сеит-Яя, который давно уже не в своем уме.

Не помнили, когда пришел Сеит-Яя в деревню. Говорили только, что еще тогда замечали за ним странное.

Трудно было найти, кто бы лучше его сделал прищеп, положил катавлак, посадил чубуки.

Он был всегда в работе, редко заходил в кофейню, казался тихим, безобидным. Но кто ближе был к нему, хорошо знал, как умеет Сеит-Яя подметить все смешное, и потому многие не любили его.

Вспоминали, как срамил он почтенного Пурамета, который, когда выходил из дому, всегда трогал угол: — Тронь два раза на всякий случай.

Отворачивался сотский Абляз, когда встречал Сеит-Яя, потому что, когда умерла его тетка, он рассказал в кофейне,

как были накануне на верхней деревне собаки. Все знали, что после этого бывает, но Сеит-Яя сказал громко:

— Умного в сотские выбрали!

У Муртазы пала лошадь. Поздравляли Муртазу. Народ верит, что пожалел Аллах человека, если вместо него взял лошадь. Ворчал Сеит-Яя:

— Мало у Аллаха дела, чтобы заниматься вашими делами. Скоро бублики печь вам будет.

Качал головой мулла:

— Плохо Сеит-Яя кончит, не знает язык, что болтает.

И назвал его дурнем, когда услышал, что посмеялся Сеит-Яя над пятницей.

В пятницу шли пожилые в мечеть и позвали с собой Сеит-Яя. Усмехнулся Сеит-Яя.

— Идите, идите, я в среду приду.

— Плохо его дело, — сказали старики, — видно, Аллах отнял у него разум совсем. Дурень Сеит-Яя.

И стали люди, кто сторониться, кто потешаться над ним, и никто не хотел отдавать свою дочь за него замуж.

А время пришло Сеит-Яя жениться, и многие заметили, что стал тосковать он.

Заметила это и хозяйка, у которой Сеит-Яя служил в работниках, и решила посватать одну вдовушку из казанских.

Не любят наши татары чужих. У тех девушки ходят открытыми, не стыдятся разговаривать с мужчинами, городское платье начинают носить.

Но Сеит-Яя согласился. — Хотя и казанская, а женщина. Большой огурец, малый огурец, — все огурец.

— Сватай, — сказал он хозяйке, и вечером пошел к дому, где жила вдовушка.

Сидела вдовушка на пороге и жевала мастику. Посмотрел на нее из-под рукава Сеит-Яя.

— Хороша, жаль, что не закрывается. Спокойней было бы.

Постоял еще, облокотившись о косяк.

— Когда будет ночь, приходи в хозяйкин сад.

Присвистнул и ушел к себе.

Не спал в эту ночь Сеит-Яя, не спала и вдовушка. Ворочалась на войлоке, вздыхала; ястык жаркой казалась. И когда смолкли голоса на деревне, накинула платок и пошла под орешину.

Под орешинной свадьбу можно устроить, не то что маленькой женщине спрятаться; однако скоро нашел ее Сеит-Яя.

— Буду тебя сватать, пойдешь за меня?

Колебалась ответить. Пожалуй, люди засмеют, пошла замуж за дурня.

Но Сеит-Яя умел хорошо ласкать; к тому же принес целый платок сладкой, с орехом баклавы и не боялся шепнуть на ухо стыдное слово.

И согласилась вдовушка.

— Пойду.

Веселым стал Сеит-Яя, двойную работу хозяйке делал. И

думала хозяйка:

— Наверное, поладил.

А по пятницам, когда все татары отдыхали, устраивал свое хозяйство; складывал соба на дворе, чтобы печь хлеб; мастерил сарайчик для коровы.

— Сено где возьмешь? — спрашивала хозяйка.

— Накошу на Юланчике.

Дивилась хозяйка:

— Да ты в уме ли?

Потому что все знали, какое место Юланчик. Недаром люди называли его Змеиным гнездом. В камышах жила змея, которая, свернувшись, казалась, копной сена, а когда шла по-лем, делала десять колен и больше. Правда, убили ее янычары. Акмслизский хан выписал их из Стамбула. Но остались от нес детеныши. Потому что, когда принесли в деревню голову убитой, то она кишела змеенышами. И когда перепуганные люди разбежались в стороны, полетели змееныши в свое гнездо и обратились в джиннов. Таракташский джинджи видел их в пьяном хороводе.

И никто не ходил на Юланчик.

Но Сеит-Яя не побоялся.

— Это люди все об Юланчике выдумали. Никаких джиннов нет и шайтана нет, может, ничего нет.

— Тогда коси себе, дурень. И пошел Сеит-Яя на Юланчик.

Оттого, что не ходили люди туда, стояла трава по пояс, а из-под косы выскакивали зайцы, выпархивали птицы.

— Накошу сена, приду охотиться, — подумал Сеит-Яя. И только подумал, как вдруг увидел через балку на бугре черную собаку с хвостом вверх.

Завыла собака. Передразнил ее Сеит-Яя.

— Вой, вой, я тоже умею.

И не увидел ее больше. Но нашла черная чуча, закрыла солнце, погнала по земле серую тень.

Сеит-Яя решил отдохнуть и прилег под дикой грушей.

— На половину зимы накосил; зайцев набью — шубу же не сделаю; дичи набью — хозяйке отнесу; хозяйка свадьбу поможет справиться.

И заснул Сеит-Яя, не слышал, как налетел из Бариколя пыльный вихрь, как закрутил скошенную траву, как завыл голодную собакой. Показалось только ему, что вдали играет музыка.

Открыл глаза и застыл от ужаса.

Летела на него козлиная свадьба. Впереди три горбатых козла, с человеческим лицом, дудели на камышовых дудках; за ними старый козел с вывернутыми рогами бил в бумбало коровьей ногой. Целым стадом скакали черные козлы и среди них на верблюде сидела, вертелась, с бубном в руке, его невеста. Хотел броситься к ней Сеит-Яя, но заметила она это и скрылась в горб верблюда. И завизжали, запрыгали по всему камышу голые цыплята, и почернело от них окрестное поле, и понеслась свадьба дальше.

Помутилось в глазах Сеит-Яя. Вспоминал он потом толь-

ко, что позади всех бежал горбатый урод, кланялся ему и кричал поворачиваясь:

— Чершамбе, чершамбе!..

Прибежал обезумевший Сеит-Яя в деревню и не нашел своей невесты. Ушла куда-то и больше не возвращалась.

* * *

Целых двадцать лет жил после того Сеит-Яя в хозяйкином саду и только по пятницам приходил в деревню спросить, не видели ли его невесты; подходил к мечети и ждал, когда выйдет мулла. В плохой одежонке, скорбный и исхудалый, Сеит-Яя становился перед ним на колени и молил:

— Сделай так, чтобы пятница средой была, тогда найду невесту. Ведь горбатый джинн на свадьбе кричал: чершамбе, чершамбе.

И, возвращаясь к вечеру в свой сад, грустный и сгорбившийся, Сеит-Яя глухим голосом напевал свою печальную песенку:

— Чершамбе, Чершамбе.

Об удалом казаке и жадном турке

Во время турецкого владычества в Крыму жил на Мангу-пе паша — начальник крепостной стражи. Больше всего на свете любил паша деньги. С окрестных жителей он собирал налоги, солдат своих много раз посылал грабить ближние селения. Когда турки приводили в Мангуп пленных, паша сам обыскивал их и забирал себе все ценное.

Среди узников Мангупа в каменном склепе на мысе Дырявом, окруженном с трех сторон пропастью, томился казак-запорожец. Турки надеялись получить за него большой выкуп.

Часто паша вызывал к себе пленника и заставлял его рассказывать о странах, где тот побывал, о походах и битвах. Любил паша такие рассказы. А еще пуще любил он слушать о золоте, о драгоценных камнях и дорогих тканях, которые довелось увидеть казаку. Тогда глаза паши загорались жадностью. Он забывал обо всем на свете и в грезах видел себя обладателем несметных сокровищ.

Однажды в вечерний час паша вызвал к себе пленного казака, чтобы послушать его очередной рассказ.

— Ослабь мои кандалы, дай мне размять немного руки и ноги, — попросил казак. — Хочу рассказать тебе быль о кладе, который запрятали когда-то здесь казаки. Молчал я все время о нем, да вижу — хороший ты человек»

И стал рассказывать казак, да так, как никогда не говорил. Лилась его неторопливая речь о том, как пленные казаки пронесли много золота с собой в крепость, как сумели его спрятать в какой-то пещере. Можно эту пещеру найти, если хорошенько поискать.

Смотрел казак прямо в глаза паше, смотрел — завораживал. И вот уже потускнели глаза турка, смежились веки. Уснул свирепый властелин.

Спит он и видит сон, будто стоит в обширном подземелье. Присматривается он внимательнее и в свете, падающем из небольших отдушин, узнает каземат в глубоких подвалах Мангупа, куда турки бросали самых стойких своих противников. Зачем же он сюда опустился? Ах, ведь об этом: каземате говорил пленник! Тут где-то и клад спрятан. Где же богатство, которым насытится он на всю жизнь? Надо искать!

Медленно ступал паша по неровному полу, приглядывался к каждому бугорку, каждой расщелине. И вдруг в одном месте заметил, будто что-то сверкает. Стал копать — и выгреб из ямы груды золота. Кольца, браслеты, золотые денежки... Сидел паша у мерцающего металла, трясся в лихорадке от радости. Правду сказал казак, добрый человек! Истинную правду!

Вдруг услышал он голос. Испуганный, поднял глаза и увидел перед собой женщину неопишуемой красоты. Потупя взор, красавица сказала:

— Ты хочешь овладеть моими сокровищами, но я их бе-

регу для того. Кто пожелает стать моим мужем.

Паша смотрел на нее разгорающимся взором.

— Не я ли твой суженый, прекрасная женщина? — спросил он.

— Тогда дай клятву, что ты соединишься со мной, — и золото, твое! — ответила женщина.

— Клянусь! — сказал паша и хотел схватить ее руку, но наткнулся на камень. В подземелье раздался шум шагов и замер вдали.

Турок проснулся.

Пленника не было. На земле валялись его цепи. Бежал казак. Паша не стал преследовать беглеца, так поверил он его рассказу.

С той поры турок потерял покой. Он обыскал все казематы во всех подземельях крепости, но, нигде ничего не обнаружил. Тогда он стал обыскивать окрестности. Золото и драгоценности мерещились ему днем и ночью. Он лазил по скалам, забирался в ущелья, в пещеры. Но золота нигде не находил.

Однажды паша взобрался на скалу, увидел там какую-то расщелину, попытался к ней подобраться, но сорвался и рухнул вниз. Там нашел он свою смерть.

Окрестные жители говорят, что жадный турок не сам упал, а был затянут в пропасть злым духом, живущим в подземельях Мангупа.

И еще говорят, что душа турка будет долго бродить возле

Мангупа, высматривая вход в заветное подземелье, где хранится казачий клад. Жадная душа не успокоится, пока бег времени не сотрет ее с лица земли.

Часто раздается в скалах Мангупа оглушительный хохот: то, говорят, удалой казак, веселая душа, смеется над одураченным турком.

Орлиный залет

Гордо поднимаются высокие горы, свои вершины высоко подняли, словно им нет охоты глядеть вниз.

А внизу хорошо!

Торопливо бежит чистая веселая вода реки Бельбек... А что ей не веселиться? Ее нельзя ударить, плюнуть ей в лицо, отнять у нее детей, дом, жизнь. Нельзя остановить, нет на нее князя-злодея, нет плетки. Сама себе хозяйка! Сама может в гневе наказать любого князя, даже самого сильного. Весело ей глядеть, как тучный князь прыгает на одной ноге, стараясь быстро вскочить на коня и убежать, когда она разольет свои воды широко по долине. Куда и спесь девается! Становится жалким. Трус. Только о себе в ту пору и думает.

Внизу хорошо!

По берегам сады. Тропки лесные. И чего только не дает земля людям, — и не пересказать. Весело глядят на человека и круглые яблоки с красными щечками, и прячущиеся в зелени кустов груши, и украшение земли-темные вишни. Весело!..

А что же люди не радуются? Люди, что под властью князя живут, много сил отдали, чтобы вырастить все это веселое великолепие, а в рот взять ни себе, ни детям нельзя: все княжеское. Только труд — людской. Кому жаловаться, у кого защиты просить?

Молчат горы...

Молчит река...

Молчат люди...

Не молчит только князь Туган-бей. Только и слышно:

— Что мало сделали?

— Что мало собрали?

— Я вас, лодыри...

— Я вам, собачьи уши...

— Вы мне, ишачьи дети...

Словно в человеческой речи и слов других нет.

Но пришло время. Горы в гнев тряслись, обрушивая в долины потоки камней. Угрюмо ворчал лес, шумя вершинами сосен. Гневно бормотала неведомые слова река.

Не понимали люди, о чем они говорят, на кого гневаются. Стали люди вслушиваться, о чем говорят камни, о чем шумит лес, что бормочет река. Не вдруг поняли. А когда поняли, гнев пришел в их сердца. Посветлели лица, прояснились глаза. Но страшно еще было показать свой гнев и радость.

А горы говорили:

— Эх, вы! Вас много, а он один. Смотрите, как он бежит прочь, когда я в гнев сыплю на него камни. Их много, а он один...

Лес шумел:

— Эх, вы! Вас много, а он один. Смотрите, как он бежит прочь, когда я в гнев обрушиваю на него стволы своих деревьев. Их много, а он один.

Речка бормотала:

— Эх, вы! Вас много, а он один. Слепые вы, что ли, не видите, как он трусливо бежит, когда в гневе я обрушиваю на него струи вод своих. Их много, а он один.

Горы любили людей. Их ласковые руки умело подбирали каменные россыпи, укладывая в стены домов-лачуг. Сколько прекрасных песен слышали камни, укрывая людей от стужи, ветра, дождей. Какие ласковые слова слышали камни из уст матерей, сколько влюбленных пряталось в тени каменных стен!

Но сколько горькой обиды слышали камни, сколько безутешных слез падало на камни. И великий гнев за человека подымался до самых вершин каменных. Горы снова и снова говорили людям:

— Вас много, а он один...

Лес любил людей. Их умелые руки из теплой древесины делали много чудесных вещей. Люльку, в которой нежилось дитя, осторожно раскачивали бережные материнские руки, и дереву становилось весело. Тонкое веретено кружилось в девичьих руках, и нитка послушно обвивала дерево, и от этого весело было ему. Круглое колесо мельницы собирали из отдельных дощечек. Вот уж когда весело было!

Но сколько проклятий слышал лес, когда палку лесную брал в руки Туган-бей. Палочные удары сыпались на плечи людей. Горько было лесу. Не для этого растил деревца лес, не для обиды людской, а на радость им. И гневно шумели

высокие сосны людям:

— Вас много, а он один.

Река любила людей. Разве не она поила их, разве не она обмывала грязные ручонки детей? Разве не она давала людям прохладу в зной? Разве не она поила сады, разве не она белила холсты?

Да разве этого люди не видели? Что же они в гнев не войдут, как она, что же они не обрушат гнев на голову Туган-бея? Разве мало видела река горя людского? Разве не старалась она приласкать их, обмывая их тела после трудной работы? Разве не шептала она им:

— Вас много, а он один...

И все лучше понимали люди, о чем говорят горы, лес, река. И все светлее лица и яснее глаза становились у людей. И все крепче сжимались губы, чтобы не выдать радости:

— Нас много, а он один...

Все поняли, но не все знали, что делать дальше. Еще страшно было видеть Туган-бея. Еще трудно было решиться обрушить свой гнев на него.

Но сильные духом люди всегда были на земле. Были они и на земле Туган-бея. И это не только храбрые юноши. Подымался великий гнев в кротких сердцах девушек. Разве не их обливал грязью похотливый взгляд Туган-бея? Разве не их тащили цепкие руки Туган-бея в свои ковровые покои? Разве не они кидались в тихие омуты реки, ища покоя на дне речном? Разве не они кидались головой вниз с высоких гор?

Разве не их Туган-бей лишал простых человеческих радостей?

Поняли храбрецы, о чем грохотали горы, шумел лес, бормотала река, и задумали убить князя.

Но земля родит не только цветы, а и крапиву, чтобы люди остерегались. Родит не только сладкие вишни, но и ядовитый сумах, чтобы люди береглись. Родит не только душистую, сладкую траву, но и подлый бурьян-сорняк, чтобы люди чистили землю, холили ее.

Забыл человек об этом — земля напомним.

Жили в деревне чистые сердцем люди, украшение земли, но был и бурьян-сорняк. В три погибели сгибались перед Туган-беем. Руку, бившую их по лицу, лизали. Подмечали. Подслушивали. Присматривались. Доносили. Оглядываясь, захлебываясь от злой радости, шепотом рассказывали князю, что задумали храбрецы убить его, князя.

Затрясся от страха Туган-бей: один он, а их много. Ночью, как вор, никому не доверяя, поскакал в Бахчисарай просить у хана помощи.

И дал хан воинов. Примчались, как волки зимой. Бешено рубили в деревне и старого и малого. Пьяные от крови, не щадили никого. В горы ушла горсточка уцелевших юношей и девушек, доверив свои жизни камням и лесу.

Но подлость за ними по тропкам шла, грязной рукой путь воинам показывала. Вот-вот настигнет девушек.

И тогда решили: не позволят себя схватить. Лучше с род-

ных камней вниз головой броситься.

Горы пожалели их, помогли. Только ринулись девушки вниз, как почувствовали: не падают, а легко кружат над пропастями, крылья сильные у них, сердце крепкое, дух гордый. Орлицами стали, клетотом орлиным друг друга сзывали.

А юноши поднимались все выше, выше. Круче становилась тропа, меньше становилось сил. И поняли — не уйти. С тоской смотрели в небо, где плавными кругами летали большие сильные птицы. В небо крикнули:

— Помогите!

Камнем вниз падали орлицы-девушки, в глаза юношам глядели с тоской, а речи нет.

Пожалели горы юношей. Силу почувствовав небывалую, взмыли юноши на могучих крыльях. Орлы!

Никто теперь не достигнет, никто не унизит, никто не отнимет радости.

В страхе кинулись воины к Туган-бею, — а над ними стоя орлиная. Свист могучих крыльев резал воздух. Месть пришла неумолимая. От нее не уйдешь.

Заклевали насмерть Туган-бея. А птицы остались тут. Гордые, смелые, недосыгаемые. В горах приветных строили гнезда, растили детей — племя орлиное.

С тех пор передавали люди друг другу рассказ о том, как расправились храбрецы с Туган-беем. С уважением глядели на высокие горы, учились. Время придет, почка учения даст цвет, потом плод.

Стала земля чистой, река веселой, лес ласковым, горы спокойными. Свободная земля! И только орлы напоминают людям о темном прошлом...

И слышат люди в клетке орлином:

— Помните, люди! Вас много, вас много... Бейтесь за счастье детей ваших.

— Нет большего счастья, чем свобода, нет большей радости, чем борьба!

Вас много, вас много, люди! Шумел лес, бормотала река, мудро смотрели горы. Они любили свободных людей. Они гордились ими...

Об озерах целебных

Гей, вы, кони сильные, кони казацьи! Мчите быстрее стрел татарских острых, ветер обгоняйте! Несите невольников израненных к садам вишневым, к родным зорям и водам днепровским...

Гей, на волю! На Украину родную!..

Мчат по степи крымской, палящим солнцем выжженной, отважные запорожцы. А тревожные думы назад летят. Там, над поганым Гезлевым, еще пожар гудит, остыть не успели мертвые побратимы. Много их полегло сегодня в городе печали, городе рабства. Но еще больше вы рвалось на волю. Вот они рядом, на конях. Слабые, изголодавшиеся, как былинки, на ветру шатаются. Не верят еще своему счастью.

Скачут кони... Скачут...

А долго ли выдержат бешеную гонку? Удастся ли от погони татарской всем скрыться? Скоро, ох, скоро притомятся казацьи кони! А орда не дремлет...

— Сто-ой! — разнесся над степью суровый голос атамана.

Сгрудились казаки. Спрыгнул атаман с коня, к земле ухом припал. Слышит он, как гудит-стонет земля от дальнего топота конского...

И молвил атаман:

— Всем нам нету отсюда дороги, братья казаки. Отдайте лучших коней людям, нами спасенным. Пусть с проводни-

ками мимо озер соляных на Украину скачут. А мы тут останемся. Дорогу басурманам закроем.

То не черная туча по небу плывет, то ханское войско по степи скачет. У каждого всадника в поводу по три-четыре коня. Чтобы страху больше на врага навести, чтобы боялись все — то орда татарская летит! И кони свежие всегда под рукой — хоть от рассвета до рассвета скачи!

Всматриваются в даль татары: где неверные, напасть осмелившиеся на город солнцеликого хана, где беглецы?

Где они?..

Как соколы камнем падают на добычу, так запорожцы из засады рванулись, острым ножом в войско басурманов врезались.

Засвистели сабли, запели смертельные песни стрелы татарские. Брызнула горячая кровь на землю.

За муки народные, за горе, что, как тяжелая гора, висела над украинскими хатами, нещадно рубились казаки.

И дрогнули враги.

Но не знали запорожцы, что на помощь татарам новый отряд спешил.

Прижала орда запорожцев к соляным озерам. Здесь последний бой был. В топкой прибрежной грязи увязали кони, сбивались в кучу. Негде развернуться казакам, показать врагу своё уменье, бранное. Позади — озерная глубь.

Солнце покатилося к закату. Плакала вечерняя заря, кровавым светом заливая степь и соляные озера. Белый туман

опускался на землю, пряча от глаз страшную картину.

Темными буграми на берегу казаки лежали. Никто не пошевелится, не вздохнет. Жупаны изодраны, саблями иссечены, руки и лица в крови. Молчат казаки, руки белые в смертном сне разметав.

Не матери старые заплачут над ними горячими слезами — степные вороны закаркают. Не родные руки глаза им закроют — вороны выклюют. Темень черными крылами укрывает славных воинов...

И на рассвете, когда солнце бросило первый тонкий луч, слетелись вороны. Закричали, крыльями замахали в радости — большая добыча досталась. Опустились стаяй на поле битвы...

Да не удалось попить вестникам смерти!

Стали вдруг оживать казаки, подыматься. Тот рукой шевельнет, этот голову подымет, третий товарищу жалуется: «Ох, и долго я спал, будто убитый...»

Удивляются казаки: что же с ними случилось? Ведь и этот побратим был зарублен — сами видели! — и тот как кодкошенный с коня упал...

Стали они всматриваться, вокруг все примечать. И увидели, что там, где раны к черному береговому илу прикасались, — их как не было! Все затянулись, зарубцевались.

И поняли тогда казаки, что родная земля для своих детей — всегда мать. Никогда она их в горе-беде не оставит, не даст пропасть, на помощь придет!

Зашли воины в озеро, соленой водою умылись и в шапки, в бурдюки чудесной земли набрали.

Потом коней уцелевших разыскали, седла подтянули и в степи родные поскакали — понесли на Украину суровую весть о битве с ордой-поработительницей и о целебной крымской земле.

Тополь, гранат и кипарис

Первобытные люди Крыма одухотворяли природу и верили в то, что многие растения появились на земле в результате каких-то чудесных превращений. Вот послушайте легенд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.